

1

— Ева, — произнес герр Хохштайн.

Ева опустила голову, схватила ручку и начала что-то писать.

— Ева, — повторил герр Хохштайн.

Ева нагнулась еще ниже, взяла карандаш с линейкой и стала чертить пирамиду. Учителя она не слышала. Не хотела слышать. Не хотела вставать и выходить к доске. От его голоса она вздрогнула, и линия вышла неровной. Не поднимая глаз, Ева нащупала пенал, сунула туда руку: простые карандаши, маленькая металлическая точилка, ручка с треснувшим колпачком... Резинки нет. Ева взяла рюкзак, положила себе на колени и, низко наклонившись, стала в нем рыться. Маленькую стерку в большом рюкзаке можно искать долго...

— Барбара, — сказал герр Хохштайн.

Из-за третьей парты встала Бабси и направилась к доске. Ева не поднимала глаз, но знала, как Бабси вышагивает своими длинными стройными ногами, покачивая аккуратненьким задом в обтягивающих джинсах.

Наконец Ева нашла резинку, повесила рюкзак обратно на крючок, стерла кривую линию и начертила заново.

— Молодец, Барбара, все верно, — похвалил герр Хохштайн.

По узкому проходу между партами Бабси вернулась на свое место. В коридоре пронзительно зазвенел звонок.

Третий урок — физкультура. Хихиканье и смех в раздевалке. День обещал стать действительно знойным, да и уже было жарко. Ева, как обычно, натянула черные легинсы и черную футболку с короткими рукавами. Все вышли на спортплощадку, фрау Мадлер свистнула, девочки построились в шеренгу. Гандбол.

— Команды набирают Александра и Сузанна.

Присев на корточки, Ева развязала шнурок, вытащила его из кроссовки и стала снова вдевать.

Александра сказала:

— Петра.

Сузанна сказала:

— Карин.

Ева вставила шнурок в нижние дырочки и начала тщательно выравнивать по длине.

— Карола.

— Анна.

— Инес.

- Нина.
- Катрин.
- Теперь Ева вдевала шнурок еще медленнее.
- Макси.
- Ингрид.
- Бабси.
- Моника.
- Франциска.
- Кристина.

Ева начала завязывать бантик. Скрестила концы шнурка и затянула узел.

- Сабина Мюллер.
- Лена.
- Клаудия.
- Рут.
- Сабина Карл.

Ева еще раз поправила концы шнурков.

- Ирмгард.
- Майя.
- Инга.
- Ульрика.
- Ханна.
- Керстин.

«Надо бы кроссовки постирать, грязные уже», — подумала Ева.

- Габи.
- Анита.
- Агнес.
- Ева.

Затянув бантик потуже, Ева встала. Она попала в команду Александры.

Началась игра. Ева потела — пот стекал со лба на брови и щеки, иногда даже попадал в глаза, приходилось все время вытирать его то плечом,

то рукой... Единственный раз поймав тяжелый, жесткий мяч, она ушибла пальцы.

К концу урока и у других под мышками были мокрые пятна.

В раздевалку Ева шла очень медленно. Очень медленно стягивала с себя футболку и легинсы. К тому моменту, когда она, завернувшись в большое полотенце, открыла дверь душевой, там оставалось всего две-три девочки. Ева направилась в угол, к самому дальнему душу. Тут она, наоборот, заторопилась. По спине и животу потекли холодные струи, голову Ева не мочила: слишком долго сушить. Набрав воды в ладони, она плеснула себе на лицо — бетонная стена покрылась темными крапинками от брызг.

В душевой больше никого не было. В тишине Ева вытерлась и снова накинула полотенце, спрятав под ним грудь и живот. В раздевалке тоже было пусто. Когда Ева надевала юбку, заглянула фрау Мадлер.

— Ой, Ева! Ты еще здесь?! Ключ тогда потом занесешь.

Ева кивнула, прикрывая руками грудь.

Большая перемена уже началась. Ева зашла в класс за книгой и отправилась во двор.

Чтобы дойти до любимого уголка у забора, пришлось пробираться сквозь толпу девчонок. Наконец-то! Она уселась на бетонный выступ и начала листать книгу, пытаясь найти, где остановилась вчера вечером. Рядом стояли Лена, Бабси, Карола и Тина. Бабси, конечно, самая красивая из них. Настолько красивая, что может носить обтягивающую белую футболку без бюстгалтера!

Ева нашла нужное место в книге.

Я рассматривала изнуренное тело покойника. Хотя лет этому человеку было не больше тридцати пяти, его лицо прорезали морщины. Умер он обычной для индейцев смертью — от истощения. Чтобы подавить голод, они жуют листья коки и однажды просто падают замертво.

— Я вчера на дискотеке была. С Йоханнесом, сыном доктора Брауна.

— Ну ты даешь, Бабси! Здорово! И как он тебе?

— Классный. И танцевать умеет!

Ева продолжала читать роман под названием «Зачем ты показываешь миру свет?»*.

В голове закружился вихрь воспоминаний и мыслей: о стройном чревоугоднике и о голливудской диете, об уничтожении избытков Европейским экономическим сообществом и о рекламе средств для снижения аппетита в витринах аптек.

— Вы на его машине ездили?

— Конечно.

— У меня брат с ним в одном классе учится.

Я знала, что он был голоден. Мне и самой постоянно хотелось есть, а юбки не сваливались с меня только потому, что я их закалывала булавками. Я на собственной шкуре испытала самый

---

* Ева читает роман австрийского писателя Отмара Франца Ланга (1921–2005), вышедший в 1974 году. Книга написана от лица молодой девушки, которая в рамках программы помощи развивающимся странам провела два года в отдаленной деревне в Боливии. (Здесь и далее — прим. ред.)

естественный способ похудеть: когда есть просто нечего.

Девочки хихикали. Ева уже не могла разобрать их слов — теперь они говорили шепотом. Рядом с ней села Франциска.

— Что читаешь?

Ева прикрыла книгу, придерживая пальцами еще не прочитанную часть.

— «Зачем ты показываешь миру свет?» — вслух прочитала название Франциска. — Знаю эту вещь. Тебе нравится?

Ева кивнула.

— Интересная. Местами грустная.

— Тебе нравятся грустные книги?

— Да. Мне кажется, что если книга хорошая, то, пока ее читаешь, хоть раз да всплакнешь, — ответила Ева.

— Я, честно говоря, над книгами слез не лью. А вот если фильм грустный, то да.

— У меня всё наоборот. В кино никогда не плачу, а когда читаю — частенько. Хотя в кино я, в общем-то, бываю редко.

— Хочешь, как-нибудь вместе сходим?

— Ну да, можно, — пожала плечами Ева.

Какие места в книгах доводили ее до слез? Как правило, довольно банальные пассажи про любовь, прикосновения, доверие, одиночество... Евин взгляд упал на Каролу и Лену, которая властным, уверенным жестом положила руку подруге на плечо. Раньше Карола так же приобнимала Еву, и ей было знакомо тепло, разливающееся по телу, когда кто-нибудь непринужденно, при всех кладет руку тебе на плечо. Смотреть

на эту сцену было больно. Понимают ли те, кто так поступает, кто открыто демонстрирует свою близкую дружбу, что это ранит других? Тех, кто одинок, у кого нет близкого человека, к которому в любой момент можно просто прикоснуться?

Ева встала.

— Пойду еще чая возьму.

Она не хотела обижать Франциску — единственную в классе, кто с ней здоровался по утрам.

В школу Ева всегда приходила перед самым звонком. По дороге она останавливалась у уличных часов на углу Фридрихштрассе и Элизабетштрассе, ждала, пока стрелки на циферблате покажут без четырех восемь, и только тогда шла дальше. Это помогало избежать утренних разговоров из разряда «а-знаешь-я-вчера».

Чай был почти безвкусный, слегка сладковатый. Просто горячий, и все.

Ева стояла у витрины кулинарии «Шнайдер». Она подошла совсем близко к стеклу, чтобы не видеть отражения в его зеркальной поверхности — эту искаженную, расплывчатую фигуру. Ева не хотела видеть себя. Она и так знала, что слишком толстая. Каждый день, пять раз в неделю она могла сравнивать себя с другими. Пять раз в неделю она была вынуждена наблюдать, как другие ходят в своих узких джинсах — и только она одна такая жирная! Настолько, что на нее никто даже смотреть не хочет. Лет с одиннадцати или двенадцати ее все время преследовал голод, она никак не могла наесться. Сейчас, в свои пятнадцать, Ева весила шестьдесят семь килограммов — и это при не очень высоком росте.

Как всегда после школы, Еве хотелось есть. Она машинально пересчитала монеты в кошельке — четыре восемьдесят пять. Салат с селедкой стоил две марки за сто граммов. После палящей уличной жары в магазине было прохладно, у Евы от голода и запаха еды почти кружилась голова.

— Двести граммов салата с селедкой и майонезом, пожалуйста, — тихо сказала она скучающей за стойкой продавщице, которая лениво почесывала ухо.

Прошло несколько секунд, прежде чем та поняла, что попросила Ева. Продавщица убрала палец от уха, потянулась за пластиковым контейнером, зачерпнула кусочки селедки и ломтики огурца, плюхнула сверху ложку майонеза, поставила все это на весы и равнодушно произнесла:

— Четыре марки.

Ева поспешно положила деньги на стол, забрала контейнер и без единого слова покинула магазин. Продавщица продолжила чесать ухо.

Снаружи снова было жарко, свет слепил глаза. «Как может быть так душно в июне?» — думала Ева. Коробка у нее в руке еще не нагрелась. Ева ускорила шаг, а на входе в парк уже почти бежала. На всех скамейках сидели люди: мужчины сняли рубашки, а женщины подвернули юбки сильно выше колен, выставив ноги на солнце. Ева медленно прошла мимо загорающих. Смотрят ли они на нее? Говорят ли о ней? Смеются ли над ней: как такая юная девочка может быть настолько толстой?

Она дошла до живой изгороди, отделявшей ряд скамеек от детской площадки, и быстро

протиснулась между двух кустов боярышника. Ветки за ее спиной снова плотно сомкнулись.

Здесь никто ее не побеспокоит, даже не увидит. Ева сняла с плеча рюкзак и села на землю. Травинки щекотали ее голые ноги. Она открыла крышку контейнера, положила рядом с собой и мгновение задумчиво смотрела на серо-розовые кусочки селедки в густом белом майонезе. На одном из них проглядывала синевато-серебристая кожа. Осторожно подцепив его пальцами, Ева положила прохладный, кисло-острый ломтик рыбы в рот и медленно перекачивала его языком, пока отчетливо не почувствовала обволакивающий, жирный вкус майонеза. Разжевав и проглотив эту порцию, она опять погрузила пальцы в коробку — теперь кусочки отправлялись в рот один за другим. Потом она соскребла со стенок остатки соуса, а когда контейнер совсем опустел, со вздохом поднялась и бросила его под куст. Ева снова закинула рюкзак на плечо и разгладила юбку руками. Ее охватили усталость и грусть.

2

Ева нажала кнопку у входной двери. Как всегда, два коротких звонка — знак для мамы включать плиту и разогревать обед. К тому времени, когда Ева возвращалась с учебы, мама и брат обычно уже успевали поесть. Бертольду было всего десять лет, он ходил в начальную школу в двух шагах от дома.

На этот раз еда еще не была готова: мама пекла блины, а блины с яблочным повидлом хороши только свежие.

— Блинчики всегда должны быть с пылу с жару, хрустящие. А подогретые они на вкус как мокрая тряпка, — говорила она.

— Где Бертольд? — спросила Ева, садясь за стол. Просто чтобы не молчать.

— В бассейне, уже давно. У них сегодня из-за жары уроки отменили.

— Вот бы и нам так! Но нет, у нас в кабинетах якобы достаточно прохладно...

Мама поставила сковородку на плиту, половником налила тесто, горячее масло громко зашипело.

— Какие у тебя планы на сегодня? — спросила мама, переворачивая блин.

Ева положила себе в стеклянную мисочку яблочного повидла и начала есть. От запаха раскаленного масла ей стало плохо.

— Мам, я блины не хочу, — сказала она.

Мама на мгновение замерла. Она стояла с блином на лопатке и удивленно смотрела на дочь.

— Почему? Ты что, заболела?

— Нет, просто сейчас не хочется.

— Но ты же обычно с удовольствием ешь блины!

— Я не сказала, что вообще блины не люблю. Просто сегодня не хочу.

— Не понимаю! Ты всегда любила блины, а теперь вдруг не хочешь...

— Сегодня вот так.

Мама разозлилась.

— Я тут торчу на жаре, готовлю, а ты есть отказываешься!

Шлеп! — и блин оказался у Евы на тарелке.

— Я ведь специально тебя дожидалась, — сказала мама, снова наливая тесто на сковородку. — Вообще-то в два я собиралась быть у тети Ренаты.

— И почему не пошла? Я уже не маленький ребенок.

Мама перевернула следующий блин.

— Это ты так думаешь. А ведь если не проследить, ты толком и не поешь ничего.

Ева машинально намазала повидло на блин. Этот был уже вторым по счету.

— Мама, больше не надо, — попросила она.

Мама сняла сковороду с плиты и надела чистую блузку.

— Я тут в универмаге нашла красивую ткань в клеточку — недорогую, шесть восемьдесят за метр. Рената обещала сшить мне летнее платье.

— Ты же и сама отлично шьешь, — отозвалась Ева. — Зачем все время просить эту Шмидхубер?

— Не говори так, называй ее «тетя Рената».

— Она мне не тетя.

— Зато мне подруга. К тому же ты ей нравишься — вон сколько она тебе отличных вещей сшила!

Это была правда. Рената Шмидхубер постоянно шила для Евы юбки и платья, и не ее вина, что выглядела Ева в них просто ужасно. В принципе, так она выглядела в любых платьях.

— Чем займешься после обеда? — спросила мама.

— Еще не знаю. Домашку буду делать.

